

Е.Л. Березович

К ПОСТРОЕНИЮ КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕЛИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Семантика имени собственного долгое время играла в отечественной ономастике роль того «мальчика», который рос и мужал вопреки сомнениям окружающих относительно самого факта его существования (*А был ли мальчик-то?*...). Несмотря на открытый финал спора о наличии у имени значения, в конкретных ономастических исследованиях осуществляется разработка различных проблем ономастической семантики: тематических классификаций, семантических связей между онимами, специфики коннотативного компонента ономастической семантики, семантических трансформаций при деонимизации и др.

В настоящей статье, которая ни в коей мере не претендует на полноту освещения этой проблематики, требующей не одной солидной монографии, предпринимается попытка первичного обобщения представлений о семантике топонимов, образующих самый представительный, разнообразный и показательный в плане проявления ономастических закономерностей класс propriальной лексики.

Современная «апеллятивная» семантика считает означаемое слова сложным образованием, состоящим из следующих компонентов: денотативного, сигнификативного, прагматического, синтактического. При этом денотат, сигнификат и некоторая часть прагматической информации, выделяемые традиционно, являются основной частью лексического значения, а остальные компоненты, описываемые в новейших исследованиях, образуют «второй эшелон» информации, которая связана со словом-лексемой¹. Можно ли спроецировать эту модель на семантику имени собственного (в частности, топонима)?

Интересный и продуктивный вариант моделирования семантики онима предложен М.В. Голомидовой и обозначен ею как разработка концепта имени собственного. Под концептуальностью имени автор понимает совокупный объем представлений о возможностях его применения – языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием ономастического знака, которые сложились у носителей данного языка². Выделяются следующие уровни этой концептуальной модели: 1) общая категориальная семантика имени, вырастающая из его противопоставления апеллятиву, благодаря чему высвечивается специфика способа означивания: имя является знаком-индивидуализатором, который не только на речевом, но и на языковом уровне свидетельствует о ценности вербального выделения отдельной реалии; 2) частная категориальная семантика, основанная на связи онома – нарицательный термин и создающая возможность для противопоставления разных разрядов собственных имен в онимиче-

¹ См. об этом: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 80–81.

² См.: Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998. С. 16.

ской системе языка; 3) частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, отличающая имена друг от друга и основанная на денотативной отнесенности и мотивировочном значении, которое определяется «на момент» создания имени и оказывается чрезвычайно важным для выполнения именем его различительной функции, поскольку несет указание на индивидуализирующий мотивировочный признак, служащий для различения и опознавания реалии среди подобных; 4) фреймы (несобственно языковые знания), отражающие значимые для языкового коллектива фоновые знания о специфике применения имени (предположим, ритуальный фрейм, предполагающий в некоторых конфессиональных традициях смену имени при пострижении или принятии сана; фрейм наречения ребенка в русскоязычной среде, подразумевающий не изобретение имени, а выбор его из существующего списка русских либо иноязычных имен; метафрейм социальной мимикрии, предопределивший многочисленные акты смены фамилий после революции 1917 г. и т.п.)¹.

Семантическое своеобразие онимов коренится в том, что наиболее значимым, идентифицирующим является третий уровень этой модели – уровень частной характеризующей и индивидуализирующей семантики. На этом уровне осуществляется семантизация конкретно-чувственного представления об объекте номинации, т.е. образа, означенного именем. Ср.: «...образный компонент – главное в семантической структуре имени собственного, поскольку без конкретно-чувственного представления об объекте онома как такового просто не существует»².

Попытаемся дополнить и расширить представленную выше модель, сфокусировав внимание на топонимической семантике.

Первые три компонента модели – *общая категориальная семантика имени, частная категориальная семантика и частная характеризующая и индивидуализирующая семантика* – соответствуют сигнификативному и денотативному компонентам «аппелятивной» модели. Их наполнение не требует комментариев.

Четвертый компонент – *фреймовый* – следует считать частью прагматической информации, соотносимой с именем, поскольку разворачивание фрейма определяет программу употребления онима. Следует отметить, что в топонимическом узусе данный компонент проявляет себя не столь активно, как в антропонимическом: последний гораздо более тесно связан с традициями общественной жизни, а значит, более определенно и разнообразно вписан в ее сценарии. Наиболее активно в топонимии проявляет себя, к примеру, фрейм официального (неофициального) общения, определяющий тактику выбора соответствующего варианта из парадигмы обозначений какой-либо географической реалии, ср.: деревню *Мост* жители окрестных деревень называют ее основным именем в «паспортных» ситуациях (когда приезжий выясняет дорогу, когда надо оформить какие-либо документы и др.), а в ситуациях неофициального общения употребляется шутивное название *Северная Корея* (*Была в Северной Корее, корейцы все в лес убежали*) (Уст)³. Фрейм официального общения зачастую срабатывает при сборе полевого материала в условиях топонимической экспедиции, существенно осложняя задачу собирателя, который настроен на выявление как раз неофициального имени. Действие уста-

¹ См.: Голямидова М.В. Указ. соч. С. 16–28.

² Рут М.Э. Имя и образ: динамический аспект // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф. М., 2000. Ч. 1. С. 18.

³ Приводимый здесь и далее иллюстративный материал преимущественно извлечен из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера, Среднего Урала, Западной Сибири и др. При использовании данных картотек паспортизирующая справка включает только наименование административной области, ссылка на источник материала не приводится.

новки «на официоз» может быть настолько сильным, что информант склонен скорее создавать фантомы, чем обнаруживать неуместную, с его точки зрения, тональность описываемого топонимикона. Показателен следующий диалог между супругами-информантами (Бабуш) в присутствии собирателя:

Муж: Дерюги были по реке – *Ивана Ивановича Дерюга, Василия Николаевича Дерюга...*

Жена: А *Петькина Дерюга?*

Муж: Да, пиши – *Петра Филипповича Дерюга.*

Жена: Еще *Манькина Дерюга* тамока!

Муж: Пиши – *Марьи Афоничевой Дерюга.* <...> А тут у деревни поле *За Кирпичным Заводом.*

Жена: Это какое? *Засерихино?*

Муж: Какое тебе *Засерихино?* Видишь, девка переписывает, чего ты ей всяку глупость ляпашь?

Как видим, жена настроена на бытовой узус, а муж корректирует его исходя из своих представлений о задачах «переписи» топонимов. Если в данном случае условия общения благоприятны для собирателя, который может вести наблюдения за этой стилевой полифонией, то в некоторых других ситуациях топонимист вынужден довольствоваться системой, которую информант подвергает «внутренней цензуре» (несмотря на просьбы собирателя перечислить именно разговорные формы географических названий).

Фреймовым компонентом прагматическая информация не исчерпывается. В рамках *прагматической зоны* могут быть выделены еще как минимум два компонента. Один из них связан с реализацией эмотивной функции языка и может быть обозначен как *эмотивный*. В русской топонимии экспрессивные топонимы представляют немногочисленную, но весьма выразительную группу, ср.: пок. *Проклятые* – «чертово место, начуапешься с им» (Прим), лес *Бажониха* – «бажонное место, сколь грибов и ягод там было» (Холм), д. *Город Страм* (Кон), пок. *Красотинка* (В-Уст) и т.п. При выделении топонимов-экспрессивов следует учитывать «свойства топонима субъективизировать качественно-количественную характеристику объекта, актуализировать его субъективную эмоционально-оценочную семантику при сохранении объективно-денотативного значения»¹.

Другой компонент прагматической зоны – *коннотации*. Определяя это явление в апеллятивной лексике, Ю.Д. Апресян предлагает понимать под коннотациями «н е с у щ е с т в е н н ы е , н о у с т о й ч и в ы е (здесь и далее разрядка автора. – Е.Б.) признаки выражаемого ею (лексемой. – Е.Б.) понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности»². Отметим, что в данном авторитетном определении неоднозначно может быть понято слово *оценка*: поскольку Ю.Д. Апресян намерен разводить *коннотацию* и *оценочный компонент значения* (последний иллюстрируется примером слов *застрельщик* = «...относись хорошо» и *зачинщик* = «...относись плохо» при нейтральном *инициаторе*)³, предпочтительнее было бы при толковании коннотации избежать упоминания об оценке. Ср. трактовку Е. Бартминьского, говорящего о «совокупности не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы... которые складываются в стереотип»⁴. Коннотация в топонимии проявляет те же свойства, что и анало-

¹ См.: Гаева Т.М. Снова об экспрессивности в топонимии // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. Барнаул, 1999. С. 9.

² Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 159.

³ См. об этом: Там же.

⁴ Цит. по: Апресян Ю.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 159.

гичное явление в сфере апеллятивной лексики: логическую факультативность и вместе с тем устойчивость, имеющую языковую верификацию (в данном случае верификация может быть осуществлена при анализе семантических связей в парадигме названий одного объекта, связей в рамках семантической микросистемы онимов, закономерностей объектной соотнесенности имен). Так, атрибутив *чудной* в топонимии может коннотировать символику «нечистого места», что доказывается, в частности, устойчивостью фиксации *чудных* топонимов в составе одной микросистемы с *лешевыми* и *чертовыми* названиями, например: *Лешакова Яма* у ручья *Чудное* (Вил); овраг *Чёртов Овражек* у бол. *Чудное* (Ревд). Топонимы, образованные от числительного *семь*, могут отражать идею неопределенного множества¹, что проявляется в параллелизме *Семь Озер* // *Девять Озер* (Приг); ср. также: бол. *Семиземельный Столоп* – «там столоп стоит и все болота от него» (Чаг), оз. *Семюзерки* – «там маленькие озёрки, как ямки такие. Не семь их, а больше» (В-Уст), оз. *Семюзёрные* – «там одиннадцать озёр» (Прим); эта же идея, вероятно, представлена в названии оз. *Семиводное*, противопоставленном названию соседнего оз. *Сухое* (Плес). *Девятые* названия используются для маркировки удаленного расположения объекта; *светлые*, *громовые* коннотируют символику святости, сакральности; образы *бабы*, *кошки*, *петуха* и *курицы* в топонимии манифестируют близость объекта к населенному пункту и т.п.²

К коннотациям примыкает *ассоциативный фон* топонима. Особый экстралингвистический статус этого компонента обусловлен тем, что ассоциативный фон не имеет собственно языковой верификации. Он может быть эксплицирован в показаниях мета-языкового сознания носителей топонимической системы, т.е. в актах мотивации, а не собственно номинации. Разумеется, процессы номинации и мотивации обратимы, а границы между лингвистическими и экстралингвистическими коннотациями подвижны, ср. рассуждения Н.И. и С.М. Толстых относительно статуса лексических и культурных коннотаций: «Для каких-то экстралингвистических коннотаций пока еще просто не обнаружены языковые подтверждения, а какие-то из них являются лишь потенциальными языковыми коннотациями и в будущем смогут приобрести статус языковых, когда экстралингвистический сопутствующий признак станет основой для языковой номинации или семантической деривации»³. К примеру, топонимы, образованные от апеллятивов *темный*, *бездонный*, потенциально несут в себе идею нечистого места, ср.: оз. *Темник* – «темное озеро; нечистая сила ведет туда людей и топит» (Мез), руч. *Тёмной* – «там кладбище, да ручей сам такой сумрачный, страшное место, в общем» (Уст), оз. *Бездённое* – «там дна нет, говорят, выходили из него какие-то черти» (Влгд), пруд *Бездонный* – «в нем купаться старики не разрешали, нечистое место, он без дна» (Некр) и др. Устойчивость и повторяемость реакций такого рода свидетельствует о том, что соответствующие смыслы могут приобрести статус языковых коннотаций.

Модель семантики языковой единицы включает в себя *семантические связи* в рамках определенного семантического континуума. Частная характеризующая и индивидуализирующая семантика топонима вводит его в определенное *семантическое поле*; все семантическое пространство топонимии может быть представлено как сложная конфигурация пересекающихся полей. К примеру, могут быть выделены поля 'цветовые характеристики', 'этническая принадлежность жителей', 'постройки и сооружения', 'ха-

¹ См.: Матвеев А.К. Нёройки караулят Урал. Свердловск, 1976. С.90–97.

² Подробнее см.: Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 57–58, 95–96, 98, 318, 324–326.

³ Толстой Н.И., Толстая С.М. Культурная семантика славянского **vesel-* // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 290.

рактически почв' и т.п. При формировании семантических полей в топонимии важную роль играет селективный фактор, срабатывание которого ощущается в ономастиконе гораздо сильнее, чем в системе нарицательной лексики. В силу особенностей денотативной привязки топонимикон принципиально не может дать целостную картину окружающей действительности, он фиксирует лишь сетку приоритетов, которая определяет формирование образа пространства. Вследствие этой селективности возникает присущая топонимикону идеографическая асимметрия: в рамках поля обнаруживаются «неровности», проявляющиеся либо в отсутствии ожидаемой идеограммы, либо в ее крайне низкой активности по сравнению с ближайшим семантическим «партнером». В качестве иллюстрации можно напомнить хорошо известные топонимистам эпизоды вроде чрезвычайной избирательности цветовой палитры русской топонимии, где с большим отрывом лидируют *черные, красные и белые* названия, но практически не представлены, к примеру, *голубые и серые*, весьма пассивны *желтые, синие и зеленые* (ср. также резкий перевес *задних* топонимов над *передними*, *кривых* над *прямыми*, *северных* над *южными*, *восточными* и *западными* и т.д.). Селективность топонимической семантики обуславливает четкое закрепление тех или иных смыслов на «семантической карте» топонимикона и делает возможным включение в семантическую модель топонима такой составляющей, как *проекция семантического поля*. Данная характеристика семантического потенциала топонима, подобно значимости (структурному значению), может быть определена только контрастивно, на фоне других единиц поля. Таким образом, выявить проекцию семантического поля означает определить место топонима в составе определенной полевой структуры.

Следует вновь подчеркнуть, что в топонимиконе – и ономастиконе вообще – семантические поля организованы рельефнее, чем в системе апеллятивной лексики, где смысловые характеристики, доминирующие (или, наоборот, минимально «прописанные») в структуре определенного семантического поля, «невидимы» на первый взгляд и могут быть обнаружены только в результате специальных исследовательских процедур (так, в рамках апеллятивного поля «цвет» идеограммы «красный», «оранжевый», «бежевый» и «охряный» вполне равноправны друг относительно друга; разная «ценность» этих слов и соответствующих слов не лежит на поверхности). По этим причинам семантический «рельеф» топонимии легче поддается интерпретации с аксиологической точки зрения, представляя, по сути, в снятом виде систему предпочтений носителя именника. Анализ семантического «рельефа» топонимии (места каждой топонимической идеограммы в структуре семантического поля, а также места поля в семантическом пространстве топонимикона, иными словами – набора семантических полей и их наполненности конкретными идеограммами) позволит выйти на интерпретационный уровень – уровень глубинных структурообразующих принципов семантической организации именника, вписанных в определенный социохронотоп. К примеру, при изучении семантического поля «ориентация в пространстве» в русской топонимии, в состав которого входят названия-ориентиры типа *Заднее Поле*, *Дальний Лог*, *Крайняя* и пр., могут быть сделаны выводы относительно типичной позиции номинатора при ориентации в окружающем пространстве (эта позиция статично закреплена в центре осваиваемого пространства, которым является дом, жилище номинатора).

Специфика полевой организации топонимикона состоит в том, что она включает *виртуальные семантические поля* и *актуальные корреляции семантического поля*. Виртуальные поля представляют собой сугубо парадигматические структуры, непосредственно не наблюдаемые в функционирующем материале. Как известно, семантическое поле в апеллятивной лексике характеризуется наличием системных семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами – антонимии, синонимии,

конверсивности и т.п.¹ По отношению к топонимическому материалу предпочтительнее работать не с виртуальными, а с актуальными корреляциями семантического поля, которые демонстрируют своеобразный «прорыв» синтагматики в парадигматику. Предпосылкой для установления синтагматических связей в данном случае становится «объектный контекст» – пространственная смежность (соотнесенность) объектов. Актуальную семантическую корреляцию в топонимии тогда можно понимать как комплекс топонимов, в котором реальной пространственной соотнесенности объектов соответствует семантическая связь элементов комплекса. Это поле – редкий случай «обнародования» глубинных парадигматических отношений, которые становятся непосредственно наблюдаемы в названиях связанных между собой объектов². Актуальные семантические корреляции могут быть использованы как важный источник информации о семантике топонима. Возможности их использования в этой функции определяются тем, что внутри такого топонимического ряда, как и во всяком контексте, действует закон семантического согласования. Это позволяет в какой-то мере реконструировать значения элементов ряда, поскольку информация о круге сочетаемости заложена в семантике слова.

Среди актуальных корреляций семантического поля в топонимии могут быть обнаружены разнообразные отношения: *оппозитивный (градуальный) ряд*: оз. Горькое – Пресное (Ревд), р. Кобыла – Жеребенок (К-Г), пок. Хорошенькая – Плохонькая (Туг), р. Грязная Речка – Чистая Речка (Вг); *симилярный ряд*: ск. Плакун – Ревунчик (Приг), оз. Корчажка – Братынька (Вил), р. Гремелка – Шумелка (Пин); *тематическая группа*: оз. Карасье – Линево (Мантур), леса Липовец – Сосновец – Калиновец (Гряз), ур. Поповские Пагны – Дьячковы Пагны (Бел); *ассоциативный ряд*: р. Сусло – Хмелевка – Бражка – Некваса (Кад), р. Мочальна – низина Мыло (Камышл) и др.

Частный (и практически неизученный) случай актуальных семантических корреляций – наличие семантических связей между топонимами при тождестве объекта номинации, т.е. ситуация появления семантически связанных вариантов исходного имени объекта. Эти варианты могут хронологически сменять друг друга (что нередко обуславливается социальными факторами) или же функционировать одновременно. Семантически связанные варианты топонимов появляются как своеобразная компенсация застывшей семантике имени, неспособной к апеллативному семантическому варьированию – многозначности. Семантическое варьирование в нарицательной лексике предполагает трансформацию сигнификата: при ономастическом варьировании обычно не происходит изменений базовых компонентов топонимической семантики, но иногда уточняются, детализируются отраженные в названии свойства объекта или же манифестируется изменение статуса объекта. Чаще всего наблюдаются отношения симилярности или тематической общности: поле Штаны – Портки (Ревд), пок. Камчатка – Австралия (Некр), г. Челташек – Коровашек (Гряз) и др.; могут проявляться и отношения оппозитивности, ср., к примеру, переименования географических объектов, возникшие как оппозитивная реакция на исходное имя в первые годы советской власти: сельские населенные пункты Романово → Ленино, Короли → Большевик³, Голодная → Веселая (Ваш), Великокняжеская → Пролетарская, Княжий Бор → Красный Бор, порт Императорская Гавань →

¹ См.: Кобозева И.М. Указ. соч. С. 99–108.

² Подробный анализ таких полей (обозначенных как *семантические микросистемы топонимов*) представлен в работе: Березович Е.Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

³ См.: Рубцова З.В. Наименования и переименования сельских поселений советского периода // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 78.

Советская Гавань¹, переулочек Протопоповский → Безбожный (в Москве), Александровский проспект (в честь Александра I) → улица Декабристов (в Екатеринбурге) и т.п.

Однако актуальные семантические корреляции, наблюдаемые в топонимии, отличаются от семантических корреляций в системе нарицательной лексики по такому параметру, как обусловленность семантических связей. В нарицательной лексике все вышеперечисленные виды отношений являются ономаσιологическими категориями², возникают за счет взаимодействия системы и среды. В ономастике выделенные группировки далеко не всегда обусловлены структурой внешнего мира. Связь онимов может возникать не только за счет взаимодействия системы и среды, но и за счет собственно системных ресурсов. В первом случае сочетаются семантический и семиотический способы означивания (по терминологии Э. Бенвениста), во втором внутрисемиотические связи – связи знаков между собой – оказываются сильнее связей знаков с внеязыковой сферой. Таким образом, взаимоотношения онома иногда оказываются не подкрепленными свойствами объектов, обусловленными только структурой языка, формально воспроизводя соответствующие отношения в нарицательной лексике.

Описанные выше семантические феномены – концептуальное ядро значения, прагматическая зона и синтаксическая зона – образуют «вертикальное» измерение семантики топонима. Кроме того, следует выделить семантическую «горизонталь» топонима, которая может быть представлена как диапазон семантического «рассеивания» имени. Изучение семантической горизонтали предполагает выяснение связей, особенностей взаимодействия ономастического кода с другими кодами – как языковыми, так и неязыковыми.

Здесь можно выделить различные ситуации взаимодействия.

1. Происходит своеобразное «самоцитирование» кода – перенос из топонимии в топонимию, когда прецедентное имя обнаруживается на другом уровне функционирования: как правило, элемент макроуровня (макротопоним) фиксируется на микротопонимическом уровне: поле Гогин Питер – «далеко она, сама последняя новина, потому и Питер» (Холм), куст д. Туруханский Край – «далеко и бездорожье дикое» (У-Куб), поле Сахара – «Сахара – новое поле, удобрения нужно, чтоб дильно было, так-то бела земля» (Вель), г. Карпаты – «неудолье там, ямы, угоры» (Лен), часть д. Америка – «раньше называли Сбегловый Конец, потому что жены от мужей убегали, а потом переименовали в Америку» (Он), бол. Москва (бассейн р. Казым) (по словам информантов, на этом болоте очень высокие кочки, похожие на многоэтажные дома; в плохую погоду между этими кочками можно заблудиться)³ и др. При образовании таких вторичных топонимов изменяется частная характеризующая семантика имени.

2. Фиксируется перенос имени в другие ономастические коды, при котором происходит изменение его частной категориальной семантики. Чаше всего такое взаимодействие наблюдается между теми классами онимов, которые обладают каким-то референтным сходством (обозначают одушевленных существ, пространственные объекты и т.п.): между антропонимией и зоонимией, между топонимией и эргонимией и проч. Реже осуществляется перенос, к примеру, из топонимии в антропонимию: прозвище Москва – «Дуська Леонидова Москва така, всё знат» (Мез), прозвище Питер – «богатой мужик, у его всего полно, как Питер» (Ревд).

¹ См.: Поспелов Е.М. Переименования городов и сел в СССР // Топонимика СССР. М., 1990. С. 45–57.

² См. об этом: Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 256.

³ Устное сообщение Т.Н. Дмитриевой.

3. Наблюдается переход из проприального кода в апеллятивный, при котором изменяется общая категориальная семантика имени: *москва* 'о разговорчивом бойком обманщике, плуте' [СРНГ, 18, 284], *тутер* 'место отхожего промысла бурлаков' [СРНГ, 27, 53] и др.

Данные диалектной лексики и топонимии Русского Севера показывают, что в основном вторичных топонимов чаще кладутся ландшафтные эталоны (*Карпаты* – гористость, *Сибирь* – удаленность), а нарицательная лексика «обыгрывает» более разнообразный набор признаков. Любопытно, что в качестве вторичных топонимов нередко выступают названия «чужих» земель, а в нарицательной лексике все же преобладают «свои» земли: в говорах Русского Севера по количеству разного рода коннотативных смыслов лидируют *Москва* и *Путер*, которые, конечно, не могут быть только ландшафтными эталонами.

4. Общеязыковое имя дублируется другими культурными кодами, т.е. становится фактом ономастикона культуры. Критерий вхождения имени в ономастикон культуры – возможность перекодировки информации с одного кода на другой, являющаяся одной из основных структурных закономерностей символического языка культуры (в том его понимании, которого придерживается школа Н.И. Толстого).

Так, название реки *Беглая* (топонимический код), протекающей в Архангельской области, мотивируется широко распространенной у славянских народов легендой о том, как две реки поспорили, какая из них быстрее: в результате одна проспала, а другая поутру убежала (фольклорный код); представление о спящих реках обуславливает запрет брать ночью и ранним утром воду в реке (обрядовый код).

В то же время важно отметить, что общеязыковые топонимы, «встроенные» в другие культурные коды, занимают, как правило, маргинальное положение в топонимической системе или вообще проявляют себя как особый функциональный подязык «обычной» топонимии. По наблюдениям участников полевых сборов топонимии, культурный топоним, не обнаруженный при фронтальном маршрутном опросе, может быть выявленным тогда, когда разговор заходит о пространственно приуроченных обрядовых действиях. При этом объект, поименованный культурным топонимом, в ситуациях повседневного хозяйственного использования номинируется дублетом – «обычным» именем. К примеру, названия ручьев *Межник* и *Говейник* имеют «культурных дублеров» – наименования *Живая Вода* и *Мертвая Вода* (Нюкс). Первая пара топонимов употребляется в подавляющем большинстве бытовых ситуаций («косил у Межника», «перебрела Говейник» и т.п.); вторая – в тех случаях, когда объекты оказываются связанными с действиями обрядового характера («Два ручья текут, Живая Вода со светлой водой, родник там, а Мертвая Вода – дождевой ручей, верховой, с темной водой. Заболеет кто, дак идут к Живой Воде и Мертвой Воде, возьмут в две бутылочки той воды и той воды. Спросят у больного: “Ты из которой посуды будешь пить?” Светлую водичку возьмет – оживет, а темную – уже не жить»). Таким образом, выбор того или иного номинативного дублета происходит по тому же механизму, как дискурсивное переключение стилевых регистров.

Переход имени в другие культурные коды сопровождается появлением в его семантической «ауре» культурных коннотаций.

Итак, появление в семантике топонима горизонтального измерения свидетельствует об особом месте какого-либо географического названия в картине мира.

Обобщая вышесказанное, представим модель топонимической семантики в виде следующей таблицы:

<i>Семантическая вертикаль топонима</i>	
Концептуальное ядро	<ul style="list-style-type: none"> – общая категориальная семантика имени – частная категориальная семантика – частная характеризующая и индивидуализирующая семантика
Прагматическая зона	<ul style="list-style-type: none"> – эмотивный компонент – фреймовый компонент – коннотации <p>-----</p> <ul style="list-style-type: none"> – ассоциативный фон
Синтактическая зона	<p>полевая проекция:</p> <ul style="list-style-type: none"> – место в виртуальном семантическом поле – актуальные корреляции семантического поля
<i>Семантическая горизонталь топонима</i>	
Диапазон «семантического рассеивания»	<ul style="list-style-type: none"> – «самоцитирование» кода (изменение частной характеризующей семантики) – переход в другие ономастические коды (изменение частной категориальной семантики) – переход в апеллятивную лексику (изменение общей категориальной семантики) – дублирование общеязыкового имени другими культурными кодами (приобретение именем культурных коннотаций)

Л.М. Дмитриева

РУССКАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНОЕ БЫТИЕ

Развитие науки характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов – дифференциацией и интеграцией. Процесс интеграции – объединение, взаимопроникновение, синтез наук и научных дисциплин, объединение их и их методов в единое целое, стирание граней между ними. Это особенно характерно для современной науки, где сегодня бурно развиваются такие синтетические области научного знания, как кибернетика, синергетика, строятся такие интегративные картины мира, как естественно-научная, общенаучная, философская.

Взаимодействие различных наук является и примечательной особенностью языкознания конца XX – начала XXI в., поскольку лингвистика при изучении языковых систем также не может ограничиваться только рамками собственно языкового подхода. Поворот от анализа языковой системы как самостоятельной сущности к человеку говорящему обусловлен положением, что «отправной точкой теоретической и практической деятельности человека является антропоцентризм»¹.

Актуализация антропоориентированных исследований в современной лингвистике дает возможность обратиться к изучению языковой личности, языковой картины мира и языковой системы в их взаимосвязи. В настоящее время можно выделить несколько общих положений, которыми характеризуется лингвистическая теория в связи с ее ориентацией на когнитивные установки. Прежде всего это вопрос об отношении новой научной парадигмы к основным идеям, сформулированным в рамках структурной лингвистики.

¹ См.: Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С.18.